

Научная статья

УДК 343.98

DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(1).111-121

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

Р.В. Кулешов¹, Е.И. Фойгель²¹ Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация² Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

18 декабря 2021 г.

Дата принятия в печать

18 февраля 2022 г.

Дата онлайн-размещения

11 марта 2022 г.

Ключевые слова

Межэтнические отношения; национальный вопрос; национальная политика; расследование этнических преступлений; миграционная ситуация; правовое регулирование этнических отношений; этнические организованные преступные группы; этнические характеристики личности; криминологическая характеристика личности

Аннотация. Статья посвящена анализу правового регулирования межэтнических отношений в уголовно-правовой сфере и проблемам практической реализации правовых норм в современной правоприменительной деятельности. Отмечается, что состояние межэтнических отношений в многонациональном государстве во многом определяет осуществляемую миграционную политику, оказывает большое влияние на экономическую, политическую ситуацию и криминогенную обстановку. Характеризуется современное состояние межэтнических отношений в Российской Федерации, прослеживается историческая связь с национальным вопросом в Российской империи и СССР, анализируется Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденная указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666. Выявлено, что российское правовое регулирование межэтнических отношений не имеет четкого унифицированного понятийно-категориального аппарата, в частности нет разграничения понятий «этнический», «национальный», «расовый» и производных от них категорий. Все они используются хаотично и с различным уровнем взаимного соотношения. В работе раскрывается содержание сравниваемых понятий, определяются совпадающие и дифференцированные признаки. Подчеркивается принципиальная разница между понятиями «национальный» в российском и зарубежном законодательстве и правоприменительной практике. Обосновывается необходимость унификации терминологии, приводятся примеры из российской следственной судебной практики и позиции Европейского суда по правам человека, устанавливается криминологическое значение этнической информации. На основе определенного понятийно-категориального аппарата предлагается разработать практический инструментарий для использования этнической информации об участниках криминального события — механизм практической реализации правового регулирования межэтнических отношений, выделить его цели, задачи и основные направления деятельности. Кроме того, рассматриваются современные социальные реалии межэтнических отношений в области выявления, расследования и раскрытия преступлений.

Original article

INTERETHNIC RELATIONS: ORGANIZATIONAL AND FORENSIC ASPECTS OF MODERN CRIMINAL POLICY

Roman V. Kuleshov¹, Elena I. Foigel²¹ Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Rostov-on-Don, the Russian Federation² Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation

Article info

Received

2021 December 18

Accepted

2022 February 18

Available online

2022 March 11

Abstract. The authors analyze legal regulation of interethnic relations in the sphere of criminal law and the problems of implementing legal norms in modern law enforcement activities. It is noted that the condition of interethnic relations in a multinational country determines a substantial part of the migration policy and has a great influence on the economic, political and criminogenic situation. The authors describe the modern condition of interethnic relations in the Russian Federation, trace the historical connection with the national question in the Russian Empire and the USSR, analyze the State Strategy of National Policy of the Russian Federation till 2025 approved by the Decree of the RF President of December 19, 2012 № 1666. It is shown that Rus-

Keywords

Interethnic relations; national question; national policy; investigation of ethnic crimes; migration situation; legal regulation of ethnic relations; organized ethnic criminal groups; ethnic characteristics of a person; forensic characteristics of the personality

sian legal regulation of interethnic relations lacks a unified framework of concepts and categories; for example, there are no clear boundaries between the concepts «ethnic», «national», «racial» and their derived categories. All of them are used in a chaotic manner with different mutual correlations. The article describes the contents of the compared concepts, determines their converging and differentiating features. The fundamental difference in the understanding of the concept of «national» in Russian and foreign legislation and law enforcement is stressed. The authors prove the necessity to unify terminology, bring examples from Russian court practice and the position of the European Court of Human Rights, establish the criminalistic significance of ethnic information. It is suggested that the specific framework of concepts and categories should be the basis for the development of practical instruments for using ethnic information about the participants of a crime event — a mechanism of practical implementation of the legal regulation of interethnic relations, and for determining its goals, tasks, and key directions of work. Besides, the authors examine modern social interethnic situation in the area of identifying, investigating and detecting crimes.

Российская Федерация — многонациональное государство с богатой историей и мультикультурной идентичностью. В связи с тем, что современная Россия является правопреемником СССР и Российской империи, в ней сочетаются многие национальные культуры при системообразующей роли русского народа. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г., на территории государства проживают представители более 190 национальностей, имеющих свою культуру, язык и традиции¹. Многие народы и этнические общности обладают различными формами национально-территориальных автономий. Естественно, что достаточно широкое этническое разнообразие российского населения неизбежно приводит к спорным вопросам, регулирование которых является обязанностью государства. Многочисленность проблем, связанных с межэтническими отношениями субъектов права, обосновывает целесообразность разработки централизованной национальной политики, стратегия которой с учетом современных реалий была утверждена указом Президента Российской Федерации от 6 декабря 2018 г. № 703. Необходимость определения приоритетных направлений, целей,

задач и механизмов реализации регулирования межэтнических отношений неоднократно подчеркивалась на различных уровнях государственной власти. Президент Российской Федерации В.В. Путин отмечал, что важнейшая тема, которая требует откровенного разговора в обществе, — это межэтнические отношения: «Здесь наши проблемы, многие трудности социально-экономического и территориального развития и коррупция, и изъяны в работе государственных институтов, и, конечно же, провалы в образовательной и культурной политике, что зачастую приводит к искаженному пониманию истинных причин межэтнического напряжения»².

Межэтнические отношения во многом определяют и государственную миграционную политику, существенно влияющую на политическую, экономическую и криминогенную обстановку в полиэтничном государстве. Установлено, что в сфере межнациональных (межэтнических) и межрелигиозных отношений имеются проблемы, обусловленные появлением новых вызовов и угроз национальной безопасности Российской Федерации, которые нашли свое отражение в п. 14 Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г., утвержденной указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666.

Вызывает опасение, что большинство общественных проблем, вытекающих из различия национальных культур, имеющих как внутреннее, так и внешнее (в осуществляемой деятельности) выражение, нередко приводят к наступлению

¹ Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. в отношении численности, размещения, возрастно-половой структуры, состояния в браке, рождаемости, числа и состава домохозяйств, национального состава и владения языками, гражданства, образования, источников средств к существованию, экономической активности населения, численности граждан Российской Федерации, постоянно проживающих в Российской Федерации, но находившихся на дату проведения переписи за пределами Российской Федерации, а также численности лиц, временно находившихся на дату проведения переписи на территории Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results.html.

² Послание Президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию (О положении в стране и об основных направлениях внутренней и внешней политики государства) от 12 декабря 2013 г. // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/38057>.

криминальных событий, участниками которых становятся представители различных этносов. Данная категория преступлений не только дестабилизирует обстановку в отдельно взятых регионах страны, но и относится к числу наиболее сложных в выявлении, расследовании и раскрытии, представляя угрозу для национальной безопасности.

Ситуация осложняется общественной реакцией, которую транслируют в том числе и средства массовой информации (СМИ). При этом, как показывают исследования, негативное отношение к иным этносам вызвано не столько национальными стереотипами восприятия или националистическими настроениями и расовыми предубеждениями, сколько различиями в культурах и поведении, которые непривычны и непонятны для представителей коренных этнических групп, длительное время проживающих на данных территориях. Зарубежные исследователи назвали этот эффект «fear-inspiring» (непривычные манеры, внушающие страх) и отметили, что его показатель прямо пропорционален количеству и яркости проявляемых внешне различий [1]. Результаты проведенного опроса показали, что наибольшие опасения в составе описываемого эффекта вызывает рост числа представителей различных этносов (приезд на территорию России), а также высокая степень их сплоченности, что создает иллюзию вседозволенности и безнаказанности при совершении ими преступлений против личности и собственности. Увеличение количества мигрантов и их компактное проживание нередко вызывают резко негативную реакцию, обостренную фактами правонарушений латентного и открытого характера, хотя в большинстве случаев мотивами совершения преступлений являются не этнические, а экономические причины, что подтверждается результатами многочисленных научных исследований [2].

Эскалация конфликтов межэтнического характера в отдельных районах и регионах России приводит к тому, что в СМИ фиксируются факты создания стихийных ополчений и добровольных дружин среди местных жителей, инициативно объединяющихся и патрулирующих улицы и районы наиболее компактного проживания мигрантов и граждан ближнего зарубежья с целью обеспечения безопасности своих детей и женщин³.

³ Жители Коммунарки организовали отряды самообороны от мигрантов // Вести.ru. URL: <https://www.vesti.ru/article/2631635> ; Жители Сосенского поселения, просившие решить проблему с мигрантами, соз-

безусловно, данная информация носит неофициальный характер и не исключает некую долю субъективизма и гиперболизации масштабов межэтнических конфликтов. Опыт зарубежных коллег показывает, что этническое разнообразие само по себе не является конфликтным фактором, а наоборот, при грамотном комплексном подходе может благоприятно отражаться на криминогенной обстановке. Так, австралийские ученые проследили корреляционные связи между этническим разнообразием и показателями преступности в 78 странах и пришли к «неожиданным и парадоксальным» выводам: «Более высокий уровень этнического и языкового разнообразия способствует снижению уровня преступности и, как следствие, ведет к сокращению количества судебных преследований и обвинительных приговоров» [3].

Очевидно, что российская уголовная политика в области межэтнических отношений нуждается в некоторых коррективах, которые касаются и сферы правового регулирования, и механизмов реализации мер противодействия преступности, связанной с деятельностью представителей отдельных этносов.

В первую очередь необходимо внести ясность в используемый понятийно-категориальный аппарат. Несмотря на достаточное количество нормативных правовых актов, регулирующих межэтнические отношения на международном, федеральном, региональном и местных уровнях, в них зачастую фигурируют понятия и категории, не имеющие однозначной трактовки и вызывающие принципиальное искажение смысла, что существенно затрудняет деятельность правоприменителей. Прежде всего это ключевое понятие «этнический», которое иногда используется как равнозначное понятиям «национальный», «этнокультурный», «расовый», в некоторых случаях употребляется как их синоним (близкое по смыслу, но не тождественное), а где-то вообще противопоставляется им.

В абсолютном большинстве российских нормативных правовых актов в отношении этнического происхождения субъекта понятия «этнический» и «национальный» используются как равнозначные и взаимозаменяемые. Некоторые нормативные акты содержат оба эти понятия че-

дают группы самообороны // Собеседник. URL: <https://sobesednik.ru/obshchestvo/20211022-ziteli-sosenskogo-poseleniya-prosivsie-r> ; Как жители Москвы создали отряд самообороны против мигрантов // URA.RU. URL: <https://ura.news/articles/1036283356>.

рез запятую, либо одно из них приводится в скобках. Примером может служить категория «межнациональные (межэтнические) отношения», под которыми предлагается понимать взаимодействие людей (групп людей) разных национальностей (разной этнической принадлежности) в различных сферах трудовой, культурной и общественно-политической жизни Российской Федерации, оказывающих влияние на этнокультурное и языковое многообразие страны и гражданское единство⁴. Данная категория используется и в иных нормативных правовых актах:

– Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ;

– указ Президента РФ «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» от 19 декабря 2012 г. № 1666 (ред. от 6 декабря 2018 г.);

– постановление Правительства РФ «О федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» от 20 августа 2013 г. № 718 (ред. от 25 мая 2016 г.);

– распоряжение Правительства РФ «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие Северо-Кавказского федерального округа» на период до 2025 года» от 17 декабря 2012 г. № 2408-р;

– приказ Генпрокуратуры России «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере миграции» от 1 июля 2015 г. № 343 (ред. от 21 июня 2016 г.);

– Публичная декларация целей и задач Федерального агентства по делам национальностей на 2021 год;

– приказ Минтруда России «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист в сфере национальных и религиозных отношений» от 2 августа 2018 г. № 514н (зарегистрировано в Минюсте России 7 сентября 2018 г. № 52115) и т.д.

Существуют нормативные акты, которые прямо определяют категорию «национальный» через понятие «этнический». Например, в ст. 1 Федерального закона «О национально-культурной автономии» от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ (ред. от 30 апреля 2021 г.) понятие национально-

культурной автономии в Российской Федерации раскрывается через определение этнической общности, среди задач которой упоминается и гармонизация межэтнических отношений.

В некоторых российских нормативно-правовых актах используются понятия «национальный», «расовый» в качестве сходных, но дифференцированных категорий. Так, ст. 13 Конституции Российской Федерации, ст. 280–282.3 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» от 28 июня 2011 г. № 11 (ред. от 28 октября 2021 г.) содержат устойчивую формулировку мотивов расовой, национальной вражды или ненависти. Как правило, среди них не встречается такая категория, как «этнический», хотя по смыслу используемых понятий имеется в виду именно она.

Категория «этнический» встречается в п. 3 ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ (ред. от 1 июля 2021 г.) при определении такой формы экстремистской деятельности, как «совершение военных или иных преступлений, направленных на полное или частичное уничтожение какой-либо этнической, социальной, расовой, национальной или религиозной группы»; в п. 9 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г., утвержденной указом Президента РФ от 28 ноября 2014 г. № Пр-2753, при упоминании националистических и этнических организаций, а также замкнутых этнических и религиозных анклавов; в п. 32 того же документа при формировании такой задачи, как уважительное отношение ко всем национальностям, этносам и религиям. Системообразующее значение этнической принадлежности подтверждается и широким использованием производных от нее категорий, например, терминов «этнокультурные», «этноконфессиональные отношения» в п. 3.1. Плана деятельности Федерального агентства по делам национальностей на 2019–2024 гг., утвержденного ФАДН России 1 июля 2019 г., который посвящен мониторингу состояния межэтнических отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций в сфере межнациональных и этноконфессиональных отношений.

Нет единства и в региональном законодательстве субъектов Российской Федерации. К примеру, постановление Правительства Ростовской области «О Консультативном совете

⁴ О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (п. «д» ст. 4.2) : указ Президента РФ от 19 дек. 2012 г. № 1666 : (ред. от 6 дек. 2018 г.) // Собрание законодательства РФ. 2012. № 52. Ст. 7477.

по межэтническим отношениям при губернаторе Ростовской области» от 9 декабря 2011 г. № 220 основывается на понятии «этнический», а постановление Правительства Республики Хакасия «О Координационном совете по международным отношениям при Правительстве Республики Хакасия» от 27 августа 2014 г. № 432 на категории «национальный».

Между тем в международных нормативных актах, затрагивающих вопросы правового регулирования межэтнических отношений, таких как Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г., Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г., Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 21 декабря 1965 г., Декларация Генеральной Ассамблеи ООН от 25 ноября 1981 г., Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму от 9 июня 2017 г. и других актах также используется понятие «национальный», но не в значении «этнический», а как «принадлежащий к определенному государству», например, «национальное законодательство», «национальный уровень» и т.д. Кстати, в этом значении понятие «национальный» используется в российской юридической науке и практике достаточно часто.

В этой связи вполне справедливыми представляются критика термина «национальная политика» и предложения по его замене на «этническую политику». Иначе, как справедливо полагают авторы, меры по реализации национальной (общегосударственной) политики на региональном уровне являются оксюморонами, поскольку этническая политика — это регулирование межэтнических отношений (часть внутренней политики), а национальная — это внешняя политика в сфере межгосударственных отношений [4, с. 182].

Представляется, что такая разница в использовании терминологического аппарата вызвана, с одной стороны, исторически сложившимися российскими традициями, с другой — недостаточной междисциплинарной научно-методологической базой используемых категорий.

Переход правовых традиций из советского права в российское, помимо факторов, определяющих генезис современного российского этнорелигиозного экстремизма и терроризма [5], повлек за собой особую трактовку понятия «национальность». В общепринятом в мировой науке понимании термин «нация» обозна-

чает граждан, объединенных политически в одно государство. Например, во французской правовой системе устоялся термин «государство-нация» (фр. Etat-Nation), показывающий, что нация неразрывно связана с политической системой государства [6, с. 13]. Поэтому понятие «национальность» (nationality, англ. — гражданство) в большинстве государств обозначает принадлежность субъекта к государству в виде гражданства или подданства. В советский же период произошла подмена понятий: под национальностью во вновь образованном государстве — СССР — стали подразумевать этническую принадлежность. Связано это было с необходимостью предоставления некоторых прав национальным территориальным образованиям (республикам, округам, областям), а также с созданием собственной, классово обусловленной терминологии, отличной от той, которую использовал «капиталистический Запад». Таким образом, в 1917 г. был создан Народный комиссариат по делам национальностей. В настоящее время функционируют Федеральное агентство по делам национальностей и Совет при Президенте РФ по международным отношениям. Как видим, в сформировавшемся значении понятие «национальный» перешло в российскую правовую систему и укоренилось в ней, вызывая недопонимание в сравнении с аналогичной категорией международного права.

Анализ правовых норм международных и внутригосударственных нормативных правовых актов позволяет констатировать следующее:

— имеется существенная разница в смысловом значении категории «национальный» в законодательствах Российской Федерации и иностранных государств;

— присутствует смешение понятий в используемых категориях «национальный», «расовый», «этнический» в российском законодательстве, регулирующем межэтнические отношения.

Такая неопределенная позиция законодателя может повлечь правоприменительные проблемы, выражающиеся в сложности установления и доказывания криминалистически значимых обстоятельств расследуемого события. В этой связи совершенно обоснованным представляется мнение ученых-криминалистов о том, что «поступательное развитие криминалистики предполагает появление терминов, категорий, используемых для познания закономерностей объективной действительности и

последующей разработки криминалистических методов, средств и рекомендаций» [7, с. 45–46].

Так, доказывая мотив национальной ненависти в значении российской гражданской принадлежности, достаточно предоставить сведения о российском гражданстве потерпевшего. Между тем доказывание факта его национальной принадлежности в виде этнического происхождения требует наличия совершенно других, очевидных для преступника признаков внешнего облика как общефизического, так и динамического характера, важность которых признается не только российскими криминалистами, но и зарубежными коллегами [8].

Методологически неверно и политически некорректно смешивать понятия «этнический» и «расовый», а также использовать их в качестве синонимов. Понятие «раса» имеет биологическую, антропологическую этимологию и охватывает собой совокупность зрительно воспринимаемых признаков внешнего облика. Учение о расах, сформировавшись примерно в XVII в., изначально исходило из обусловленных географией проживания морфологических различий между людьми, однако дальнейшее использование данного термина придало ему политическую и идеологическую окраску. Наиболее распространено в современной отечественной антропологии следующее понятие расы: «Раса — это популяция с общим генетическим фондом и / или фенотипом, особенности которой статистически отличаются от других популяций, что является результатом общей территории и предка в прошлом» [9, с. 83]. Таким образом, расовые признаки заключаются исключительно в зрительно воспринимаемом внешнем облике человека. Кроме того, обыденное общепринятое понимание расы исходит из наличия трех основных рас, в рамках которых имеется множество этносов и этнических групп.

Между тем анализ смысла используемых в российском уголовном законодательстве категорий показывает, что некоторые формы проявления экстремистской деятельности исходят не только из нетерпимости преступников к внешнему виду потерпевших, но и к культурному, языковому и традиционному различию последних. Представляется, что в этой связи необходимо уточнить терминологический аппарат уголовного законодательства, касающегося межэтнических отношений, в части замены понятий «расовый», «национальный» катего-

рией «этнический» как более точной и включающей в себя и расовые, и национальные, и культурные признаки. Как справедливо отмечают исследователи, «этническая идентичность представляет собой принятие определенных групповых представлений и системы ценностей, а также построение системы отношений и действий в различных ситуациях, связанных с контактированием с другими этническими группами, характеризующих общность людей, объединенных в силу общего происхождения и проживания в определенных условиях, формирующих сходные черты внешнего облика, мышления и поведения» [10, с. 39].

Следует отметить, что российская юридическая наука и правоприменительная практика фактически идут по этому пути, используя устоявшиеся категории «этнические (не национальные!) организованные преступные группы», «организованные преступные группы, сформированные по этническому признаку», «закрытое межгрупповое этническое образование»⁵ и другие определения, которых нет в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве. Признавая необходимость учета особенностей преступной деятельности, осуществляемой данными формами организованной преступности, приказ «О едином учете преступлений» Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29 декабря 2005 г. (ред. от 15 октября 2019 г.) предусматривает в своей структуре наличие Реквизита 10 — сведений, характеризующих совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой, преступным сообществом (преступной организацией) с расшифровкой этнических преступных формирований как групп, сообществ (организаций), представляющих собой специфические криминальные объединения, формирующиеся по национальному (этническому) признаку, т.е. объединяющие в своем составе лиц одной или нескольких родственных национальностей (этнических образований). При этом отмечается, что отнесение преступной группировки к этнической не определяется однородностью ее национального состава, он может быть и смешанным. Этническую принадлежность группировки

⁵ Приговор по уголовному делу № 1-184/2017 // Краснофлотский районный суд г. Хабаровска. URL: <http://krasnoflotsky.hbr.sudrf.ru>.

определяют те, кто занимает в ней лидирующее положение⁶.

Это обосновано, поскольку анализ закономерностей преступной деятельности, позволяющий разработать адекватные меры противодействия современной преступности, показывает, что в основе формирования, распределения ролей, функционирования данных форм соучастия лежит именно этнический признак как совокупность сходных характеристик деятельности, проявляющихся во внешнем виде, языке, традициях. Гражданство членов организованных групп не имеет решающей системообразующей роли, среди них встречаются и иностранные граждане, и граждане Российской Федерации (натурализованные или урожденные). Важное значение имеет и место рождения (преимущественное проживание) потенциальных участников, опять же как составная часть этнической принадлежности, обеспечивающая единство (схожесть) языка, традиций и менталитета.

Единого подхода к пониманию этнической принадлежности как основного принципа организации деятельности этнических организованных преступных групп придерживаются представители уголовно-правовых наук — уголовного права [11], уголовного процесса [12], криминологии [13; 14], криминалистики [15] и теории оперативно-розыскной деятельности [16], оперируя в своих работах понятиями «этнические (не «национальные») организованные преступные группы».

Нерешенные вопросы правового регулирования межэтнических отношений создают определенные взаимосвязанные трудности для противодействия преступности правового, процессуального и криминалистического характера.

Отсутствие четкого унифицированного понятия этнической принадлежности и существенные расхождения в понятии «национальный» в российском уголовном законодательстве и зарубежных правовых нормах приводят к сложностям для правоприменителя. Осуществляя уголовную политику в области противодействия преступлениям экстремистской направленности, необходимо учитывать, что

⁶ О едином учете преступлений : приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29 дек. 2005 г. : (ред. от 15 окт. 2019 г.) // Российская газета. 2006. 25 янв.

этническая принадлежность является обстоятельством, подлежащим доказыванию, и влечет за собой наступление определенных юридических последствий.

Такая традиция сложилась и в международных правовых позициях судебных органов. Так, Европейский суд по правам человека удовлетворил жалобу заявителя — этнического узбека, который утверждал, что в случае его выдачи Кыргызстану он подвергнется пыткам и бесчеловечному и унижающему достоинство обращению или наказанию, так как он принадлежал к узбекскому этническому меньшинству, что является недопустимым в соответствии со ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция). Европейский суд отметил, что он «неоднократно изучал ситуацию в отношении этнических узбеков, чьей экстрадиции добивались власти Кыргызстана в связи с рядом тяжких преступлений, которые они, предположительно, совершили в ходе жестоких межэтнических столкновений между киргизами и узбеками в июне 2010 года. В тех делах [Суд] неизменно постановлял, что, учитывая подтвержденное широко распространенное и привычное применение пыток и иного жестокого обращения со стороны правоохранительных органов в южной части Кыргызстана в отношении членов узбекского сообщества, безнаказанность сотрудников правоохранительных органов, а также отсутствие достаточных гарантий для заявителей в соответствующей стране, имелись существенные основания полагать, что заявители столкнутся с реальной угрозой быть подвергнутыми обращению, предусмотренному статьей 3 Конвенции по возвращении в Кыргызстан» (п. 38 постановления). Таким образом, Европейский суд заключил, что «принудительное возвращение заявителя в Кыргызстан в форме экстрадиции или иным образом было бы нарушением статьи 3 Конвенции» (п. 41 постановления)⁷.

Этническая принадлежность является основанием наступления не только уголовно-правовых, но и конституционно-правовых и административно-правовых последствий, вследствие чего в науке систематически предлагается принять специальный федеральный закон о праве личности на определение и указание национальной принадлежности [17]. Представляется,

⁷ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2017) : утв. Президиумом Верхов. Суда РФ 26 апр. 2017 г. // СПС «КонсультантПлюс».

что это абсолютно логично, поскольку законодательство РФ содержит некоторые нормативные правовые акты (либо отдельные их положения) направленного действия, исходящие именно из этнической принадлежности субъекта права. К их числу относятся:

– Федеральный закон «О национально-культурной автономии» от 17 июня 1996 г. № 74-ФЗ (ред. от 30 апреля 2021 г.);

– Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ (ред. от 13 июля 2020 г.);

– Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 г. № 1107-1 (ред. от 1 июля 1993 г.);

– Федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ и т.д.

Следует отметить, что пробелы правового регулирования межэтнических отношений не являются единственным фактором, затрудняющим осуществление эффективной уголовной политики в данной сфере. Конституционный принцип равенства уголовного судопроизводства гарантирует каждому участнику соблюдение прав и свобод независимо от этнической принадлежности, что исключает необходимость в особом процессуальном статусе для представителей отдельных этносов. Однако специфика этнических характеристик личности заключается не только в невладеении (недостаточном владении) русским языком (регламентированном в соответствующих положениях уголовно-процессуального законодательства), но и в отдельных демографических, социальных и психологических свойствах, информация о которых может быть использована в тактических целях. Отсутствие механизма реализации регулирования межэтнических отношений в уголовно-правовой и уголовно-процессуальной сферах затрудняет выполнение ряда задач, поставленных на законодательном уровне. Так, указ Президента РФ «Об обеспечении межнационального согласия» от 7 мая 2012 г. № 602 в качестве специальной задачи ставит разработку мер, направленных на совершенствование работы органов государственной власти Российской Федерации по пресечению деятельности организованных преступных групп, сформированных по этническому принципу.

Решение этой проблемы видится не в изменении законодательства (что нецелесообразно

не только в силу достаточности правового регулирования, но и исходя из специального предназначения мер противодействия преступности для правоприменителя), а в разработке механизма реализации правовых норм комплексного характера, регулирующих межэтнические уголовно-правовые отношения.

Функцию разработки механизма реализации мер уголовной политики традиционно выполняет криминалистическая наука, формируя научно обоснованные и апробированные практикой методические рекомендации по оптимизации предварительного и судебного следствия и повышению его эффективности [18]. Изучение информации о межэтнических отношениях в механизме преступной деятельности, выявление закономерностей ее формирования и проявления позволяет осуществить разработку приемов по организации и осуществлению следственных действий и тактических комбинаций с участием представителей отдельных этносов. При этом необходимо четко понимать, что конечный продукт данной научной деятельности — практический инструментальный правоприменителя по использованию этнической информации в расследовании преступлений, связанных с деятельностью представителей отдельных этносов (подозреваемых, обвиняемых, свидетелей и потерпевших), а не выявление возможных гипотетических связей между этнической принадлежностью и склонностью к совершению преступлений или «уровнем криминализации» определенных этносов и этнических групп.

Целесообразность разработки криминалистических мер в современных реалиях вызвана не только исторически сложившейся необходимостью регулирования межэтнических отношений в структуре крупной многонациональной державы, но и высокой вероятностью возникновения ответной социальной реакции на глобализацию, унификацию и взаимопроникновение различных этнических культур в виде «этнического ренессанса», который характеризуется «взрывом движений и выступлений на национально-этнической основе, эскалацией националистических настроений и, как следствие, резким увеличением межэтнических конфликтов» [19, с. 171].

Этническая принадлежность — это неотъемлемая характеристика личности, влекущая за собой совокупность биологических и социопсихологических свойств, проявляемых как ментально, так и деятельностно. Отрицать этническое многообразие и игнорировать этническую

информацию нецелесообразно, необходимо четко определить форму и границы общественного регулирования межэтнических отношений. Научные исследования в области истории межэтнических отношений показывают, что в настоящее время «требуется не решение национального вопроса, как полагали большевики, а этнополитический менеджмент — управление межэтническими отношениями, которое носит перманентный характер» [4, с. 182]. Отдельным направлением этнополитического менеджмента будет правовое регулирование межэтнических отношений в целом и, в частности, в области уголовной политики.

Принятие крайних радикальных мер, как и «замалчивание» проблемы, может привести к крайне негативной ситуации, с которой столкнулись многие европейские государства: с одной стороны, спекуляция на национальной теме, с другой — «гипертollerантность», граничащая с запретом каким-либо образом упоминать этническую принадлежность субъекта. По мнению зарубежных коллег, глубоко изучающих данный вопрос [20], ситуацию усугубляет и общественная реакция, поскольку «подчеркивание значения этнической принадлежности фигурантов при освещении в СМИ случаев насильственной и корыстной преступности связано с устоявшимся мнением журналистов о более

высокой степени криминогенности общества, характеризующегося высоким этническим разнообразием» [21, р. 107].

Российское уголовное законодательство (ст. 282 Уголовного кодекса Российской Федерации) достаточно полно регулирует этот вопрос, защищая общественные отношения, складывающиеся по поводу охраны конституционного строя, политической системы и безопасности РФ, прав и свобод человека и гражданина, а также обеспечивая недопущение деятельности, направленной на возбуждение ненависти либо вражды, на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе.

Таким образом, межэтнические отношения в Российской Федерации нуждаются в грамотном и четком этнополитическом менеджменте, основывающемся на унифицированном нормативно закреплённом понятийно-категориальном аппарате, признающем этническое многообразие российского населения, что создаст необходимые условия для применения эффективного и жизнеспособного механизма реализации мер уголовной политики в области противоправной деятельности, связанной с межэтническими отношениями субъектов права.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Glas I. Estimating Diversity Effects in the Neighborhood: On the Role of Ethnic Diversity and Out-group Size and their Associations with Neighborhood Cohesion and Fear of Crime / I. Glas, R. Jennissen, G. Engbersen. — DOI 10.1007/s11205-021-02704-9 // *Social Indicators Research*. — 2021. — Vol. 158. — P. 1–22.
2. Asal V. Why do Ethnopolitical Organisations turn to Crime? / V. Asal, J. Forest, B. Nussbaum. — DOI 10.1080/17440572.2015.1081818 // *Global Crime*. — 2015. — Vol. 16, iss. 4. — P. 306–367.
3. Churchill S.A. Crime and Ethnic Diversity: Cross-Country Evidence / S.A. Churchill, E. Laryea. — DOI 10.1177/001128717732036 // *Crime & Delinquency*. — 2017. — Vol. 65, iss. 2. — P. 239–269.
4. Фадеичева М.А. Концептуальные основания политики Российской Федерации в сфере регулирования межэтнических отношений / М.А. Фадеичева // *Вестник Российской нации*. — 2008. — № 2 (2). — С. 180–187.
5. Кулешов Р.В. Некоторые факторы, предопределяющие генезис этнорелигиозного экстремизма и терроризма, а также их актуализацию на современном этапе развития общества / Р.В. Кулешов, А.В. Варданян // *Вестник Волгоградской академии МВД России*. — 2013. — № 2 (25). — С. 151–154.
6. Дугин А.Г. Этносоциология / А.Г. Дугин. — Москва : Акад. проект, 2011. — 634 с.
7. Варданян А.В. Криминалистическая характеристика посткриминальной деятельности по делам о преступлениях в сфере информационных технологий / А.В. Варданян // *Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения*. — 2021. — № 2 (32). — С. 44–51.
8. Keel C. The Vicarious Effects of Hate: Inter-Ethnic Hate Crime in the Neighborhood and its Consequences for Exclusion and Anticipated Rejection / C. Keel, R. Wickes, K. Benier. — DOI 10.1080/01419870.2021.1930094 // *Ethnic and Racial Studies*. — 2021. — 6 May.
9. Вергелес М.О. Понятие «расы» в американской физической антропологии / М.О. Вергелес // *Вестник Московского университета. Сер. 23: Антропология*. — 2015. — № 3. — С. 82–93.
10. Инкижинова С.А. Проблемы этнической идентичности и социального неравенства (на примере Иркутской области) / С.А. Инкижинова // *Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права)*. — 2010. — № 5. — С. 36–41.
11. Анкоси М.М. Зарубежный опыт и международное сотрудничество в сфере противодействия этнической организованной преступности / М.М. Анкоси. — DOI 10.24411/2073-0454-2020-10460 // *Вестник Московского университета МВД России*. — 2020. — № 8. — С. 91–97.

12. Жук О.Д. Борьба с организованной преступностью в Российской Федерации (по материалам оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности в Западно-Сибирском и других регионах России) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / О.Д. Жук. — Москва, 1998. — 174 с.
13. Репецкая А.Л. Миграция и региональная преступность: характеристика и проблемы борьбы (по материалам одного криминологического исследования) / А.Л. Репецкая // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2007. — № 1-2. — С. 48–53.
14. Христюк А.А. Характеристика факторов, детерминирующих организованную преступность в России на современном этапе / А.А. Христюк // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. — 2013. — № 1 (18). — С. 83–91.
15. Фойгель Е.И. Особенности расследования экономических преступлений, совершаемых этническими организованными преступными группами : учеб. пособие / Е.И. Фойгель. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2006. — 115 с.
16. Васильев Э.А. Современная оперативная обстановка в сфере борьбы с экономической преступностью / Э.А. Васильев, О.А. Надейкина // Российский следователь. — 2019. — № 8. — С. 60–65.
17. Зайнитдинов Н.А. Конституционное право на определение и указание национальной принадлежности личности: пробелы в российском законодательстве / Н.А. Зайнитдинов // Конституционное и муниципальное право. — 2014. — № 2. — С. 29–32.
18. Степаненко Д.А. Криминалистическое обеспечение расследования как категория криминалистики / Д.А. Степаненко, А.А. Митрофанова // Глаголь правосудия. — 2017. — № 2 (14). — С. 60–64.
19. Лисова С.Ю. Политико-правовой инструментариум регулирования в СМИ информации о межэтнических отношениях / С.Ю. Лисова // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. — 2009. — № 4. — С. 170–174.
20. Douai A. A Different Lens? How Ethnic Minority Media Cover Crime / A. Douai, B. Perry. — DOI 10.3138/cjccj.2016-0013.r2 // Canadian Journal of Criminology and Criminal Justice. — 2018. — Vol. 60, iss. 1. — P. 96–121.
21. Kim J.H. The Influence of Community Structure on Crime News Coverage: Structural Pluralism, Ethnic Diversity, and Local Crime News / J.H. Kim, J. Abisaid. — DOI 10.15581/003.28.3.97-113 // Communication & Society-Spain. — 2015. — Vol. 28, iss. 3. — P. 97–113.

REFERENCES

1. Glas I., Jennissen R., Engbersen G. Estimating Diversity Effects in the Neighborhood: On the Role of Ethnic Diversity and Out-group Size and their Associations with Neighborhood Cohesion and Fear of Crime. *Social Indicators Research*, 2021, vol. 158, pp. 1–22. DOI: 10.1007/s11205-021-02704-9.
2. Asal V., Forest J., Nussbaum B. Why do Ethnopolitical Organisations turn to Crime? *Global Crime*, 2015, vol. 16, iss. 4, pp. 306–367. DOI: 10.1080/17440572.2015.1081818.
3. Churchill S.A., Laryea E. Crime and Ethnic Diversity: Cross-Country Evidence. *Crime & Delinquency*, 2017, vol. 65, iss. 2, pp. 239–269. DOI: 10.1177/0011128717732036.
4. Fadeicheva M.A. The Conceptual Bases of the Policy of the Russian Federation in the Sphere of Regulation of Interethnic Relations. *Vestnik Rossiiskoi natsii = Bulletin of Russian Nation*, 2008, no. 2, pp. 180–187. (In Russian).
5. Kuleshov R.V., Vardanyan A.V. Some Factors Predetermining the Genesis of Ethnoreligious Extremism and Terrorism as well as their Actualization at the Current Stage of the Development of Society. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii = Bulletin of Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry*, 2013, no. 2, pp. 151–154. (In Russian).
6. Dugin A.G. *Ethnosociology*. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2011. 634 p.
7. Vardanyan A.V. Forensic Characteristics of Post-Criminal Activity in Cases of Information Technology Crimes. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2021, no. 2, pp. 44–51. (In Russian).
8. Keel C., Wickes R., Benier K. The Vicarious Effects of Hate: Inter-Ethnic Hate Crime in the Neighborhood and its Consequences for Exclusion and Anticipated Rejection. *Ethnic and Racial Studies*, 2021, May 6. DOI: 10.1080/01419870.2021.1930094.
9. Vergeles M.O. Definition of Race in American Physical Anthropology. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23: Antropologiya = Moscow University Anthropology Bulletin*, 2015, no. 3, pp. 82–93. (In Russian).
10. Inkizhinova S.A. Problems of Ethnic Identity and Social Inequality (by the Example of Irkutsk Region). *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii (Baikalskii gosudarstvennyi universitet ekonomiki i prava) = Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy (Baikal State University of Economics and Law)*, 2010, no. 5, pp. 36–41. (In Russian).
11. Ankosi M.M. Foreign Experience and International Cooperation in Countering Ethnic Organized Crime. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 8, pp. 91–97. (In Russian). DOI: 10.24411/2073-0454-2020-10460.
12. Zhuk O.D. *Counteracting organized crime in the Russian Federation (using the materials of operative search and criminal procedure activities in Western Siberia and other Russian regions)*. Cand. Diss. Moscow, 1998. 174 p.
13. Repetskaya A.L. Migration and Regional Criminality: Characteristics and Issues of Fighting it (using the Materials of a Criminological Study). *Kriminologicheskii zhurnal Baikalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminology Journal of Baikalsk National University of Economics and Law*, 2007, no. 1-2, pp. 48–53. (In Russian).
14. Khristuk A.A. The Characteristic of the Factors Determining the Organized Crime in Russia in Modern Time. *Vestnik Sankt-Peterburgskoi yuridicheskoi akademii = Vestnik of Saint Petersburg Juridical Academy*, 2013, no. 1, pp. 83–91. (In Russian).
15. Foigel E.I. *Specifics of investigating economic crimes committed by organized ethnic criminal groups*. Irkutsk, Baikal State University of Economics and Law Publ., 2006. 115 p.
16. Vasilyev E.A., Nadeykina O.A. The Modern Operational Environment in Economic Crime Combating. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2019, no. 8, pp. 60–65. (In Russian).

17. Zajnitdinov N.A. The Constitutional Right to Determine and to Indicate the Ethnicity of the Person: the Gaps in the Russian Law. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo = Constitutional and Municipal Law*, 2014, no. 2, pp. 29–32. (In Russian).

18. Stepanenko D.A., Mitrofanova A.A. Forensic Support of Investigation as a Criminalistics Category. *Glagol Pravosudiya = The Verb of Justice*, 2017, no. 2, pp. 60–64. (In Russian).

19. Lisova S.Yu. Politiko-Legal Toolkit of Regulation in Mass-Media of the Information on Interethnic Relations. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki = Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2009, no. 4, pp. 170–174. (In Russian).

20. Douai A., Perry B. A Different Lens? How Ethnic Minority Media Cover Crime. *Canadian Journal of Criminology and Criminal Justice*, 2018, vol. 60, iss. 1, pp. 96–121. DOI: 10.3138/cjccj.2016-0013.r2.

21. Kim J.H., Abisaid J. The Influence of Community Structure on Crime News Coverage: Structural Pluralism, Ethnic Diversity, and Local Crime News. *Communication & Society-Spain*, 2015, vol. 28, iss. 3, pp. 97–113. DOI: 10.15581/003.28.3.97-113.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кулешов Роман Владимирович — профессор кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации, доктор юридических наук, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация; e-mail: rui@mvd.ru.

Фойгель Елена Игоревна — директор Института юстиции Байкальского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: foiguelena@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Кулешов Р.В. Межэтнические отношения: организационные и криминологические аспекты современной уголовной политики / Р.В. Кулешов, Е.И. Фойгель. — DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(1).111-121 // Всероссийский криминологический журнал. — 2022. — Т. 16, № 1. — С. 111–121.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kuleshov, Roman V. — Professor, Chair of Criminalistics and Operational Search Activities, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Law, Rostov-on-Don, the Russian Federation; e-mail: rui@mvd.ru.

Foigel, Elena I. — Director, Institute of Justice, Baikal State University, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: foiguelena@gmail.com.

FOR CITATION

Kuleshov R.V., Foigel E.I. Interethnic relations: organizational and forensic aspects of modern criminal policy. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2022, vol. 16, no. 1, pp. 111–121. (In Russian). DOI: 10.17150/2500-4255.2022.16(1).111-121.